

УДК 1(091)

Понятовский Ф. К.
Украинский гуманитарный институт (г. Буча, Украина)

ИЛЛЮЗИЯ ДЕКОНСТРУКЦИИ: ПРИМЕНЕНИЕ ДЕКОНСТРУКЦИИ К ЭССЕ ЖАКА ДЕРРИДА «ВОКРУГ ВАВИЛОНСКИХ БАШЕН»

Данная статья является попыткой осмыслить деконструкцию как способ прочтения текста. Автор предлагает применить деконструкцию к эссе Жака Деррида «Вокруг Вавилонских башен». На основании данного теоретического и лингвистического опыта делаются выводы о том, что деконструкция не способна разрушить бинарные иерархические противоположности, существующие в тексте.

Ключевые слова: Деррида, деконструкция, текст, метод, бинарные оппозиции.

Дана стаття є спробою осмислити деконструкцію як спосіб прочитання тексту. Автор пропонує застосувати деконструкцію до есе Жака Дерріда «Навколо Вавилонських веж». На підставі даного теоретичного та лінгвістичного досвіду робляться висновки про те, що деконструкція не здатна зруйнувати бінарні ієрархічні протилежності, що існують у тексті.

Ключові слова: Дерріда, деконструкція, текст, метод, бінарні опозиції.

This article is an attempt to comprehend deconstruction as a way of reading a text. The author proposes to apply deconstruction to Jacques Derrida's essay «Around the Towers of Babel». On the basis of this theoretical and linguistic experience, conclusions are drawn that deconstruction is not capable of destroying the binary hierarchical opposites existing in the text.

Keywords: Derrida, deconstruction, text, method, binary oppositions.

Термин «деконструкция» неразрывно связан с именем Жака Деррида, который первым стал применять его в своих трудах, критикуя западную философию и западную систему мышления вообще. Впоследствии данный термин стал применяться ко всей философской системе французского мыслителя. Очень сложно дать какое бы то ни было определение самому термину «деконструкция». Это и не метод научного исследования, и не какая-то литературная техника. Сам Деррида утверждал, что деконструкция не может быть просто сведена к набору правил или техник, характерных для какой-либо методологии. Поэтому часто деконструкцию определяют в очень общих терминах: например, как «литературный подход к философским текстам» [1, с. 37] или «способ прочтения» [2; 3].

Со временем идеи деконструкции как способа мышления стали проникать во многие сферы жизни, не обходя стороной и богословие. В этой связи эпохальной можно назвать книгу «Derrida's Bible: Reading a Page of Scripture with a Little Help from Derrida» [3], опубликованную в издательстве Palgrave Macmillan в 2004 году, в год смерти самого Деррида. Тот факт, что именно богословие восприняло идеи деконструкции и начало активно их применять как способ прочтения библейских текстов конечно же не случаен. Ведь именно сам Деррида был первым, кто испробовал данные идеи на библейском тексте в попытке переосмыслить историю о строении Вавилонской башни (Быт. 11).

Хотя деконструкция не является определенным методом анализа текста, и невозможно говорить о каких-либо правилах проведения подобного прочтения, тем не менее необходимо отметить общие принципы, которые легли в основу деконструкции.

Идеи деконструкции являются в какой-то степени реакцией на структурализм, возникший в Европе в начале XX века. Основоположником структурализма считается Фердинанд де Соссюр, который выдвинул идею о том, что язык представляет собой самостоятельную систему знаков, которая мало соотносится с реальностью; значение же самих знаков определяется внутри самой системы в отрыве от реальных вещей. Ф. де Соссюр, а затем его последователи указывали, что любой язык основан на бинарных противоположностях. Таким образом, понятие «белый» может быть осмыслено только в паре с противоположным ему понятием «черный» [4, с. 345-346]. Слово приобретает значение только тогда, когда оно находится в оппозиции к другому слову, противоположному ему. Деррида же сделал еще один шаг в понимании лингвистики в целом. Согласно Деррида, бинарные или иерархические

противоположности в классической литературе яростно враждуют друг с другом, стремясь к господству, и цель деконструкции как раз и состоит в том, чтобы перевернуть эту сложившуюся систему [5, с. 41]. Деконструкция призвана освободить текст от иллюзий, навязанных данными противоположностями. Однако разрушение не должно быть анархичным процессом. Оно должно быть осмысленным. Сам процесс деконструкции, по словам Джонатана Куллера, представляет собой «обращение классических противоположностей и полное смещение системы» [6, с. 85-86]. Цель этого процесса – «показать как текст подрывает утверждаемую им же самим философию» [6, с. 86].

Так как деконструкция является, по сути, способом прочтения любого текста, и текст, созданный самим Деррида, не является исключением, то было бы интересно применить идеи деконструкции к первоисточнику. Другими словами, прочитать Деррида с помощью очков, придуманных им самим.

Вавилонская башня в интерпретации Деррида

Эссе Жака Деррида «Вокруг Вавилонских башен» [7] является переосмыслением истории о смешении языков (Быт. 11). В этой работе автор во многом опирается на идеи немецкого мыслителя Вальтера Беньямина, который предвосхитил многие концепции, развитые впоследствии Деррида. В основном Деррида цитирует две работы Беньямина «О языке как таковом и о языке человеческом» [8] и «Задача переводчика» [9].

Интерпретацию Деррида истории Вавилонской башни нельзя назвать экзегетической. Как отмечает Бартоломью, Деррида допускает значительные неточности в толковании текста [12, с. 312]. Так, например, он ошибочно приписывает строительство Вавилонской башни только лишь семитам, в то время как библейский текст говорит о всех потомках Ноя. Кроме того, Деррида утверждает, что имя «Вавилон» – это в первую очередь собственное имя Самого Бога, которым Тот нарекает башню. Можно также упомянуть, что он интерпретирует данную историю в отрыве от контекста и многое другое, что позволяет характеризовать его прочтение скорее как эйзегезу, нежели экзегезу [12, с. 311-317]. С другой стороны, с самого начала своего эссе Деррида подчеркивает насколько важна история о Вавилонской башне. Для него это метанарратив, «миф об истоке мифов», «метафора метафор» [7, с. 9].

Если говорить о бинарных противоположностях, то уже сам библейский текст предлагает нам открытое противостояние: с одной стороны, люди, пытающиеся воздвигнуть башню, а с другой стороны – Бог, смешивающий языки. Как уже было отмечено выше, Деррида приписывает строительство башни лишь одним семитам, и указывает, что их намерение состояло в том, чтобы создать самим себе имя, имя, в котором могла бы быть сокрыта их уникальная и универсальная генеалогия [7, с. 16]. Бога же Деррида представляет как Бога завистливого, который из-за своей злобы навязывает семитам Свое собственное имя, и это имя «Вавилон» [7, с. 17]. Таким образом, бинарная противоположность «люди – Бог» дублируется другой противоположностью, а именно «универсальное имя – имя, данное Богом». При этом разрушение данных противоположностей происходит во время названия города именем «Вавилон». Теперь, после разрушения существующей системы, мы сталкиваемся с новой реальностью. Языки людей смешаны, и для того, чтобы понимать друг друга, им необходим перевод. Деррида обыгрывает эту идею с помощью игры переводов слова «Вавилон». Согласно Деррида, данное слово в первую очередь – это имя собственное, а как имя собственное оно должно остаться непереводаемым. Но это более, чем имя собственное, так как оно имеет значение в оригинальном языке. Таким образом, само имя в самом себе содержит бинарную противоположность. Деррида даже говорит о том, что война происходит внутри самого имени. С одной стороны, оно требует перевода, но как имя собственное не может быть переведено.

Итак, согласно Деррида, Бог навязал необходимость перевода, но вместе с тем ограничил людей в возможности сделать это. Именно поэтому для Деррида история о Вавилонской башне является метафорой, которая говорит о сложной задаче перевода: перевод является необходимым, но вместе с тем невозможным. Таким образом, анализ истории Вавилонской башни является прологом к другому важному вопросу – вопросу о возможности перевода.

Проблема перевода

Далее Деррида переходит к следующей части своего эссе, где он очень часто обращается к работам Бенямина. В работе «О языке как таковом и о языке человеческом» Бенямин также берет за основу своих размышлений библейскую историю. Однако, согласно Бенямину, много-язычность и вместе с ней многозначность появились задолго до Вавилонской башни. Размышляя о языке, Бенямин утверждает, что язык в своей сущности есть не что иное, как система знаков. Для Бенямина коммуникация очень важна. По сути, все предметы стремятся создать коммуникацию, все предметы «говорят», передают некую весть. Все языки передают эту весть с помощью знаков. Человеческий язык, в отличие от всех других языков, обладает способностью называть предметы, давать им имена. Эту способность человек унаследовал от Бога. Когда Бог сотворил все в этом мире посредством слова, Он уже «вложил» имя или название в каждую вещь. Человек, называя предметы, высвобождает эти имена, и таким образом сам участвует в Творении. Бенямин указывает, что такое называние уже является актом перевода. Любой язык, кроме слова Бога, по сути, является переводом чего-то другого. В Эдемском саду такой перевод был совершенным, так как имена совершенно соответствовали называемым им вещам.

Проблема перевода, по Бенямину, возникла в результате грехопадения. То, что было предложено змею в саду, было ничем иным, как попыткой отказаться от языка имен. Знание добра и зла было знанием извне, которое нарушает чистоту первоначального языка. Таким образом, было рождено «человеческое слово» [8, с. 71]. И чистые слова превратились в знаки, которые потом запутались и произвели сумятицу. Язык стал рабом болтовни. Затем, во время Вавилонской башни, произошло смешение всех языков, но исток его надо искать в грехопадении.

Итак, согласно Бенямину, язык – это система знаков. Знаки указывают на другие знаки, а те в свою очередь на другие, и этот процесс бесконечен. Поэтому язык не может являться средством передачи смысла, все, что может сделать язык – это передать сам себя. Согласно Бенямину, язык вещей является выше языка слов. Мы иногда можем понять этот язык и без перевода. Как, например, язык искусства. Подлинный же и чистый смысл вещей раскрывается в слове Бога, и к этой чистоте каждый язык стремится.

Деррида использует идею Бенямина о несовершенстве человеческого языка как отправную точку своих собственных рассуждений. Он начинает с необходимости перевода. Данная необходимость была навязана Богом в процессе нареkania города непереводаемым именем. И здесь Деррида сразу же обозначает бинарные противоположности, которые возникают при переводе любого текста. С одной стороны, у нас есть оригинал, с другой стороны – перевод. Перевод развивается из оригинала, вырастает из него. Но какие отношения между ними? Как они связаны друг с другом? Чем является перевод по отношению к оригиналу? Отвечая на эти вопросы, Деррида заявляет, что перевод не есть ни копия, ни образ. По сути, здесь скрыт гегелевский диалектический принцип единства и борьбы противоположностей: перевод является, с одной стороны, в какой-то мере идентичным оригиналу, но с другой, не в состоянии полностью воссоздать оригинал, он отличен от него.

Кроме перевода и оригинала противоположность существует еще на одном уровне. Это противостояние между автором и переводчиком. Ведь для текста должен найтись переводчик, способный перевести данный текст. Часто может быть, что автора уже давно нет, все, что осталось от него – это только имя, но его работа живет и именно с ней переводчик должен войти в соприкосновение. Бенямин поэтически описал задачу переводчика на примере человека, который находясь в языковом лесу, но не входя в него, взывает к языку оригинала, и это, создаваемое его собственным языком, вызывает реверберацию в языке иностранном [9, с. 159].

Итак, как же происходит деконструкция этих противоположностей? Деррида апеллирует к истоку языков. Все языки родственны между собой, так как изначально все они восходят к одному истоку. Данный исток Деррида называет еще «договором», который гарантирует установление одного языка [7, с. 46]. Другими словами, между всеми языками существует интимное родство благодаря их общему истоку [7, с. 50], этому прото-языку, который как раз и делает возможным перевод, а также разрушает противостояние между оригиналом и переводом, автором и переводчиком.

Идея такого чистого языка или истока языков заимствована у Бенямина. Деррида только лишь развивает эту идею. Согласно Бенямину, этот чистый язык принадлежит одному Богу. Только Бог творит все Своим словом и в этом акте творения уже заложены имена всех предметов, это и есть чистый язык. Любой другой язык, включая и человеческий, – это всего лишь перевод [8, с. 70]. Деррида использует еще одну метафору или же, точнее, аллюзию на известную сказку «Платье короля». Любой перевод, согласно Деррида, это всего лишь платье, которое облегает тело, воссоздает его контуры, но вместе с тем и скрывает его [7, с. 63-64].

В результате такой деконструкции возникает нечто новое. Оригинал отдает себя и, отдавая, мутирует, модифицируется. Перевод – это не есть копия оригинала, это уже трансформированный текст. Здесь Деррида использует метафору Бенямина о семени и ростке, который из него вырастает. Перевод – это подобный росток, взращенный из семени оригинала. И так же, как новый росток, неся в себе гены и подобие материнского растения, никогда не бывает полностью идентичным ему, так и перевод, имея сходство с оригиналом, не является его точным подобием. В переводе оба языка как бы срастаются вместе и этот союз двух языков дает рождение ребенку, который может говорить и существовать сам по себе. Таким образом, перевод, совершившись, сам становится оригиналом. Более того, перевод расширяет оригинал, так как привносит в него еще и личность переводчика. Если вернуться к сказке о платье короля, то Деррида, применяя данную метафору к своему собственному прочтению Бенямина, называет свое эссе мантией, одетой поверх мантии [7, с. 65].

В связи с этим неизбежно возникает вопрос об истине. Ведь любой перевод неизбежно скрывает то, что он должен и предназначен передать. Конечно же, Деррида не говорит об истинности перевода. Истина значит для него намного больше. И здесь мы сталкиваемся с неспособностью деконструкции полностью уничтожить все бинарные противоположности. Эти противоположности также мутируют, трансформируются, но неизбежно возникают на обломках деконструкции. И Деррида признает это. Рассуждая о переводе и его связи с оригиналом, Деррида говорит о том, что любой перевод оставляет после себя нечто непередаваемое. К этому непередаемому стремится прикоснуться переводчик, но оно ускользает от него. Таким образом и возникает новая бинарная пара, а именно: переводимое / непередаваемое. Дуэль языков продолжается. Непередаваемое остается вечно нетронутым. И сколько бы переводчиков не трудились над текстом, всегда останется в нем нечто недостижимое, что Деррида называет «девственным» [7, с. 59]. А истина находится где-то на стыке между тем, что было переведено переводчиком, и тем сокровенным, что осталось, не поддавшись попыткам перевода. Переводимое и непередаваемое перетекают одно в другое – это и есть истина [7, с. 56].

Другими словами, истина недостижима. Она существует только лишь в чистом языке. Здесь Деррида вторит Бенямину. Оба говорят о том, что перевод всего лишь свидетельствует о наличии «большого языка». Так, Деррида определяет истину как «чистый язык, в котором смысл и буквы уже не разделяются» [7, с. 66-67]. Нечто похожее мы можем найти и у Бенямина: «Если, тем не менее, и существует язык истины, в котором хранятся в мире и тишине все конечные секреты, к которым стремится все человеческое мышление, так это и есть «чистый язык». И в действительности, данный язык, в ожидании и описании которого лежит то совершенство, которого желает достигнуть философия, тщательно скрыт в переводе» [9, с. 159-160].

Свое эссе Деррида завершает, возвращаясь к истории Вавилонской башни, вернее – к самому имени «Вавилон». Бенямин утверждал, что «вещи могут обладать собственными именами только в Боге. Ибо своим творческим словом Бог вызывает все вещи к существованию, называя их собственными именами. Однако, в человеческом языке все вещи переименовываются» [8, с. 73]. Деррида идет дальше, размышляя об имени самого Бога. Необходимо отметить, что само понятие «имя собственное» очень важно для философской концепции Деррида. Он неоднократно обращается к этому понятию и в других своих работах. Некое созвучие с рассмотрением имени «Вавилон» можно заметить в рассуждениях Деррида об имени собственном в очерке «Война имен собственных», где автор размышляет об обычаях племени намбиквара, в котором существовал запрет на произнесение собственных имен. Таким образом, имена существовали, но их нельзя было произносить [10, с. 249-250]. Имя Бога «Вавилон», как его определяет Деррида, также имя непередаваемое. Оно обязывает к переводу,

но вместе с тем и запрещает сам перевод. Оно и есть, но вместе с тем оно непостижимо. В другом эссе, рассуждая о Боге с точки зрения негативной теологии, Деррида утверждает, что Бог непознаваем, Он есть неузнанный и непризнанный Бог, о котором мы ничего не знаем, кроме имени. Но и имя само «не является тем, что оно называет» [11, с. 112]. В этом и заключается кризис и падение любого языка. Согласно Деррида, «“Бог” “есть” имя этого бездонного падения, этого бесконечного опустошения языка» [11, с. 97]. Для Деррида собственное имя – это подпись, а подпись невозможно перевести [7, с. 84]. На любом языке она будет оставаться нетронутой, непередаваемой. Само имя противоречиво, в нем самом идет война, оно само и составляет суть всех бинарных противоположностей, и эти бинарные противоположности никакая деконструкция не в силах разрушить.

Иллюзия деконструкции

Данное прочтение эссе «Вокруг вавилонских башен» не является просто лишь академическим упражнением. На данном примере можно сделать некоторые выводы о деконструкции как о способе прочтения текста. Деконструкция не ставит перед собой целью понять смысл или значение текста, это лишь способ освободить текст от той иллюзии смысла, которая возникает в нем благодаря наличию бинарных противоположностей. Однако, здесь мы сталкиваемся с неким парадоксом – на самом деле бинарные противоположности не поддаются разрушению. В эссе «Вокруг Вавилонских башен» такими бинарными парами являлись «оригинал / перевод», «автор / переводчик». На первый взгляд, Деррида сумел разрушить данные противоположности. Он не просто разрушил их, но и перевернул эти бинарные пары. Таким образом перевод превратился в оригинал, а переводчик стал автором. Оригиналом, став переводом, обогатился и расширился именно благодаря тому, что был переведен. Однако, после такого разрушения вдруг обнаруживается, что бинарные противоположности никуда не исчезли. Сам Деррида утверждает то, что в любом переводе остается что-то непередаваемое, неприкасаемое. Итак, бинарная пара «оригинал / перевод» после мутаций превращается в новую пару «переводимое / непередаваемое». Используя метафору самого Деррида, можно сказать, что он расколол орех бинарных противоположностей только лишь для того, чтобы обнаружить под скорлупой новую скорлупу. И если бы он попытался расколоть новую скорлупу, то неизменно натолкнулся бы еще на одну. Такой процесс кажется бесконечным, как бесконечен сам язык. Это как бесконечная матрешка, в которой открывается бесконечное количество других матрешек. На этом основании можно сделать вывод, что любой язык тяготеет к бинарным противоположностям. Даже Деррида не может не использовать их. Такие противоположности очень живучи и вряд ли поддаются какой бы то ни было деконструкции. Они, как феникс, восстают опять и опять на пепелище деконструкции. И тогда деконструктивный способ прочтения текста можно сравнить с работой Сизифа: Деррида поднимает камень деконструкции на гору, но в последний момент этот камень скатывается вниз, и все возвращается на круги своя. Итак, что же такое «деконструкция»? Не что иное, как иллюзия. Это стремление достичь того, что в принципе недостижимо.

Однако, Деррида нашел конечную точку в этом процессе. Если продолжить метафору с орехом, то можно утверждать, что Деррида обнаружил орех, который не под силу было расколоть даже ему самому. И этим «орехом» является имя Бога. Деррида признается в своей беспомощности перед этим именем. Это магическое имя не просто имя собственное. В нем сокрыты все бинарные противоположности. Это росчерк, который ни прочесть, ни объяснить невозможно. Такая невозможность связана с тем, что имя это не принадлежит ни к одному из человеческих языков, оно несет на себе отпечаток чистого и истинного языка, который, согласно Бенъямину, принадлежит самому Богу. И в этом языке не существует никаких противоположностей, но все гармонично сливается в одно целое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hill L. Cambridge Introduction to Jacques Derrida / Leslie Hill. – Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2007. – 140 p.
2. Atkins G. D. Reading Deconstruction / Deconstructive Reading / Douglas G. Atkins. – Lexington, KY : The University Press of Kentucky, 1983. – 158 p.

3. Derrida's Bible: Reading a Page of Scripture with a Little Help from Derrida / [edited and with an introduction by Yvonne Sherwood]. – New York, NY : Palgrave Macmillan, 2004. – XV + 323 p.
4. Robertson J. T. Structuralism / J. T. Robertson // Dictionary of Biblical Criticism and Interpretation / [edited by Stanley Porter]. – London, UK : Routledge, 2007. – 406 p.
5. Derrida J. Positions / Jacques Derrida ; [trans. by Alan Bass]. – Chicago, MI : University of Chicago Press, 1981. – 114 p.
6. Culler J. On Deconstruction: Theory and Criticism after Structuralism / Jonathan Culler. – Ithaca, NY : Cornell University Press, 1982. – 307 p.
7. Деррида Ж. Вокруг Вавилонских башен : [2-е изд., испр.] / Жак Деррида ; [пер. с франц. и коммент. В. Е. Лапицкого]. – СПб. : Machina, 2012. – 118 с.
8. Benjamin W. Selected Writings / Walter Benjamin ; [edited by Marcus Bullock and Michael W. Jennings]. – Cambridge, Mass : Belknap Press of Harvard University Press, 2002. – 525 p.
9. Benjamin W. The Translator's Task / Walter Benjamin // TTR : Traduction, Terminologie, Redaction. – 1997. – Vol. 10. – No 2. – pp. 151–165.
10. Деррида Ж. О грамматики / Жак Деррида ; [пер. с фр. Н. Автономовой]. – М. : Ad Marginem, 2000. – 512 с.
11. Деррида Ж. Эссе об имени / Жак Деррида ; [пер. с фр. Н. А. Шматко]. – М. : Институт экспериментальной социологии, 1998. – 192 с. – (Gallicinium).
12. Bartholomew C. G. Babel and Derrida: Postmodernism, Language and Biblical Interpretation / G. Craig Bartholomew // Tyndale Bulletin. – 1998. – Vol. 49. – No. 2. – pp. 305–328.

УДК 130.2:172.4

*Артеменко Я. І., Попова Н. В.
Харківський національний фармацевтичний університет
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна*

ДИГРЕСІЯ: ВІД РИТОРИЧНОГО ПРИЙОМУ ДО СТРАТЕГІЇ

Стаття присвячена дослідженню дигресії як феномену, що розкриває себе як «стратегію існування» в умовах мінливих соціально-культурних процесів. Тематизація дигресії осмислюється у роботі в зв'язку з питаннями свободи самореалізації, творчості, рецепції традиції. Дигресія розглядається не просто як риторичний прийом, не як «затримання», «від-ступ», «підвішування» чи «вихріння», а дискретність, преривчастість процесу саморозгортання екзистенції. У статті висвітлюються принципи існування дигресії як ексцентричного феномену, який не просто трансgressує, сягає власних меж та долає їх, але й у своїх екзистенціальних інтенціях прокреслює складні траєкторії в іманентному та трансцендентному просторі: буття притягує суще до себе як до центру і в той же час ретирується від сущого, тому дигресія інтерпретується як своєрідний рух опосередковування присутності, через що її не можна розуміти як чисту спонтанність.

Ключові слова: дигресія, екзистенція, трансgressія, присутність.

Статья посвящена исследованию дигрессии как феномена, который раскрывает себя в качестве «стратегии существования» в условиях быстроменяющихся социально-культурных процессов. Тематизация дигрессии осмысливается в работе в связи с вопросами свободы самореализации, творчества, рецепции традиции. Дигрессия рассматривается не как риторический прием, не просто как «задержание», «от-ступ», «подвешивание» или «вихрение», а дискретность, прерывистость процесса саморазвертывания экзистенции. Дигрессия интерпретируется как своеобразное движение опосредованного присутствия.

Ключевые слова: дигрессия, экзистенция, трансgressия, присутствие.

The article is dedicated to the studying of the phenomenon of digression that discloses itself as a «strategy of existence» in conditions of rapidly changing socio-cultural processes. Theming of digression is conceptualized while working over questions of freedom of self-realization, creativity, reception of tradition. Digression is not watched as a rhetorical trick and not just as a «retention», «step-away», «hanging» or «whirling» but as a discreteness of the process of self-deployment of existence. Digression is understood as the organization of the ontological space of definiteness, which is done by establishing the perspectives of meaning and existence. Digression is being interpreted as some kind of a peculiar movement of mediated presence.

Keywords: digression, existence, transgression, presence.